

ГЛАВНЫЕ КНИГИ О ВОЙНЕ

КТО ВЫИГРАЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

АЛЕКСАНДР КЛИНГЕ

Главные книги о войне

Александр Клинге

**Кто выиграл Вторую
мировую войну?**

«Яуза»

2017

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Клингге А.

Кто выиграл Вторую мировую войну? / А. Клингге —
«Яуза», 2017 — (Главные книги о войне)

ISBN 978-5-699-95282-3

Вопрос о том, кто внес основной вклад в Победу, начал обсуждаться еще до окончания Второй мировой войны. И Запад и СССР упорно тянули одеяло на себя, закрепляя тезис о своей главенствующей роли в разгроме нацизма как в исторической науке, так и в общественном сознании. После краха Советского Союза исторические баталии развернулись с новой силой. До сих пор не прекращаются споры о том, был ли Сталин союзником Гитлера, кто виноват в развязывании войны, смог бы СССР самостоятельно разбить Третий рейх, чем руководствовались англичане и американцы, затягивая с открытием Второго фронта, чей вклад в Победу был значительней и кто в первую очередь воспользовался ее плодами, выиграв в послевоенном мире. Эта книга предельно четко и аргументированно отвечает на самые спорные вопросы по истории Второй мировой войны, в том числе – кто же в итоге внес решающий вклад в разгром Третьего рейха.

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-95282-3

© Клинге А., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Клинге

Кто выиграл Вторую мировую войну?

© Клинге А., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Предисловие О дурацких вопросах

Кто выиграл Вторую мировую войну?

Дурацкий вопрос.

Всем понятно, что мы. Не Гитлер же!

Но кто такие эти «мы»?

И вот тут ответы могут быть самые разные. Конечно же, самый точный и правильный из них – Антигитлеровская коалиция, в состав которой входили десятки государств. А самыми главными из них были Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Великобритания – так называемая «Большая тройка». Вот так, все вместе, мы и раздавили самое страшное зло в истории человечества.

Ответ этот очень хорош. Проблема только в том, что он перестал устраивать многих уже вскоре после того, как отгремели залпы победных салютов. Каждая сторона стала тянуть одеяло на себя, утверждая, что именно и только она всерьез боролась с Гитлером, а остальные – так, рядом постояли. Более того, эти, которые рядом постояли, еще и существенно помогли Гитлеру развязать войну. «Мы» предъявляли «им» политику «умиротворения», Мюнхенский сговор, полное нежелание вести какие-либо серьезные переговоры летом 1939 года и «странную войну». «Они» в долгу не оставались, предъявляя нам секретное военное сотрудничество с немцами в годы Веймарской республики и пресловутые секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа.

Наверное, в годы начавшейся «холодной войны» – глобального противостояния двух блоков – иначе и быть не могло. В результате по обе стороны «железного занавеса» были написаны две совершенно разные истории войны. А правильнее сказать, даже не истории, а легенды.

Но прошло время, «железный занавес» рухнул, и вместе с потоками шоколадных батончиков в ярких упаковках и подержанных иномарок на пространство бывшего Советского Союза хлынули созданные на Западе легенды. И началась битва между двумя образами – образом великой страны и армии, сломивших хребет фашистскому зверю, и образом восточной деспотии, которая продержалась только благодаря помощи союзников, а победила только благодаря ошибкам немцев.

А что думает народ? Наши сограждане на редкость единодушны. По данным проведенного в 2010 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опроса, 91 % полагает, что решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне внес именно СССР. В то же время нельзя не отметить, что среди старших возрастов доля ответивших именно так выше, а среди молодежи, наоборот, меньше. Интересные тенденции показывают также регулярные опросы, проводимые «Левада-центром». Так, на вопрос, смог бы Советский Союз победить в одиночку или нет, в 2001 году положительно отвечал 71 % опрошенных, в 2010 году – только 57 %. В 2005 году 28 % опрошенных считали, что пакт Молотова – Риббентропа развязал руки Гитлеру, позволив начать войну, к 2010 году эта цифра выросла до 33 %.

Получается, что образ Советского Союза как главного борца с гитлеровской Германией потихоньку тускнеет. Стоит ли говорить, что в США ситуация противоположная: уверенность в том, что именно западные союзники внесли решающий вклад, несколько не уменьшается. Симптоматично, что советский исторический сериал о Великой Отечественной получил в свое время на Западе название «Неизвестная война». Там по-прежнему считают, что Эль-Аламейн был гораздо важнее Сталинграда, а массированные бомбардировки

подорвали мощь Третьего рейха в большей мере, чем сотни перемолотых на Восточном фронте дивизий.

Самое интересное, что в России в последние годы все чаще и громче звучат голоса, призывающие нас «сказать правду и осознать свое второстепенное место в мировой истории того времени» – именно так завершается один популярный в Интернете текст, посвященный сравнению вклада разных стран в победу над нацизмом. Так кто же прав? Неужели нам и правда надо отойти на задний план?

Разобраться в этом вопросе по-настоящему сложно. Во-первых, потому, что Победа действительно была одержана совместными усилиями и разделить их очень непросто. Во-вторых, история не знает сослагательного наклонения, и очень трудно судить о том, как бы выглядела ситуация на советско-германском фронте без ленд-лиза – или о том, что бы ожидало США, если бы СССР проиграл войну осенью 1941 года. В-третьих, потому, что вклад союзников в общее дело был очень разным. Как приводить к общему знаменателю уничтоженные самоходные орудия и потопленные субмарины, поставленную нефть и пролитую кровь?

И тем не менее мы попытаемся ответить на этот вопрос. Попытаемся потому, что на смену легендам должны когда-нибудь прийти трезвые и объективные оценки. Потому что для того, чтобы строить будущее, нам надо понять наше прошлое – понять без лишнего самовосхваления, но и без самобичевания на ровном месте.

Для того чтобы ответить на главный вопрос, нам придется затронуть еще ряд тем. В частности, проблему ответственности за развязывание Второй мировой войны, а также вопрос о том, с каким противником в действительности воевали советские войска. Поговорить и о ленд-лизе, и о пресловутом Втором фронте. Ну и, наконец, оценить итоги войны. Потому что, как известно, выиграть войну – это одно, а выиграть мир – совсем другое.

Глава 1

Кто (больше) виноват?

В советское время непререкаемой истиной считался тезис о том, что руководство СССР совершенно не виновато в начале Второй мировой войны. Более того, оно старалось всеми силами ее предотвратить. Но империалистические державы не хотели идти на союз с социалистическим государством. Совсем наоборот, они хотели натравить Гитлера на Советский Союз.

Разумеется, на Западе точка зрения была абсолютно иной. О политике «умиротворения» там говорили мало и неохотно, зато пакт о ненападении 1939 года склоняли на все лады. Дескать, именно подписав договор с Гитлером («делку с дьяволом»), Сталин развязал нацистам руки и позволил начать Вторую мировую войну.

Чтобы понять, как все обстояло в действительности, нужно «отмотать пленку назад» и вернуться во времена Первой мировой войны, а точнее, в 1917 год. Именно в этом году Россия фактически не смогла продолжать участвовать в общеевропейской войне.

Надо сказать, что усталость от войны к этому моменту накопилась во всех воюющих державах без исключения. Люди не понимали, ради чего они должны терпеть лишения, становиться калеками и погибать. Было непонятно, почему война – вопреки всем обещаниям политиков и генералов – тянется так долго и конца ее до сих пор не видно. Во Франции солдаты отказывались идти в атаку; в Германии внутри страны поднималась волна стачек на заводах. Австро-Венгрия вообще балансировала на грани краха и распада. Но именно Россия оказалась самым слабым звеном – ее экономика попросту не выдержала огромного напряжения военных лет.

После развала Советского Союза стало модно вспоминать о «России, которую мы потеряли», и говорить о том, что в нашем тогдашнем поражении виноваты большевики. Впрочем, легенды о том, что «мы бы их по стенке размазали, если бы нас под руку не толкали», характерны для всех проигравших. В той же Германии многие годы после Первой мировой войны пользовалась бешеной популярностью легенда об «ударе кинжалом в спину» – дескать, наша армия была не сломлена, и только предатели-социалисты в тылу нанесли ей смертельную рану. Россия здесь не исключение. В реальности нужно помнить о том, что большевики в начале 1917 года были сравнительно небольшой группой и оказать решающее воздействие на настроения миллионов людей на фронте и в тылу никак не могли.

В феврале 1917 года свергают царя, и вставшее во главе страны Временное правительство пытается стабилизировать ситуацию. Однако под давлением союзников новые власти решают продолжать войну. Это вызвало разочарование и возмущение у множества людей как на фронте, так и в тылу. Отказ выйти из войны становится одной из важнейших причин того, что Временное правительство так и не сумело взять ситуацию в стране под контроль. Политический и экономический кризис стремительно углублялся. Армия утратила практически всякую боеспособность. В этой ситуации, когда большевики взяли власть в октябре 1917 года, практически никто не вступился за свергнутых «временных».

Новое правительство во главе с Лениным прекрасно понимало, до какой степени люди устали от войны. Большевикам было очевидно, что, если они попробуют продолжать войну, их очень скоро постигнет та же участь, что и свергнутое ими Временное правительство. Этого, естественно, никто не хотел. Одним из первых документов советской эпохи становится «Декрет о мире», в котором новая власть призвала все воюющие стороны немедленно начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций.

Германское руководство, естественно, с радостью приступило к переговорам о мире. Проходили они непросто и закончились в марте 1918 года подписанием печально известного Брестского мира. Его условия были очень тяжелыми для России, терявшей огромные территории. Даже Ленин, выступавший за подписание договора, назвал его «похабным».

Впрочем, расчет Ленина был прост. Он не рассматривал Брестский мир как долговременную конструкцию. Большевики полагали, что революция в России и общая усталость от войны вызовут волну революций по всей Европе, в результате которой все ранее заключенные соглашения станут историей. Забегая вперед, нужно сказать, что в общем и целом этот расчет оправдался. Брестский мир действительно не просуществовал и года, и уже в ноябре Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет аннулировал его.

Связано это было с поражением Германии и произошедшей в ней революцией. Легенда о том, что первое стало следствием второго, давно развенчана. Германское верховное командование уже в начале осени признало, что война проиграна и необходимо заключать мир. Германская армия все еще стояла на вражеской земле, но была не способна ни к наступательным действиям, ни к длительному сопротивлению превосходящим силам противника. Это был конец, и уполномоченные по заключению перемирия были направлены еще до того, как страну охватила Ноябрьская революция.

11 ноября было подписано Компьенское перемирие, а в начале следующего года в Париже открылись заседания мирной конференции. Немцев и их союзников туда не допустили. Победители решили сначала согласовать условия мирного договора между собой, а затем в ультимативном порядке предъявить их побежденным. Надо сказать, что этот подход шокировал немцев. В Германии искренне рассчитывали, что революция и свержение монархии стали своеобразным «искуплением грехов» и новая власть не понесет ответственности за преступления старой элиты. Однако все оказалось не так. Победителям, в первую очередь французам, было все равно, кто стоит у руля в Германии; их задача заключалась в том, чтобы наказать зачинщиков войны и не допустить развязывания новой. Поэтому предъявленные германской стороне в конце весны 1919 года условия мира оказались весьма жесткими. Помимо потери целого ряда территорий на севере, западе и востоке, Германия должна была выплачивать огромные репарации, ограничить размер своих вооруженных сил, сделав их чисто символическими, и признать свою единоличную вину за развязывание войны. В общем, платить и каяться.

Воздействие этих процессов на немецкое общество той эпохи сложно переоценить. Пожалуй, если все немцы в 1920-е годы были в чем-то едины, то в ненависти к Версальскому мирному договору. Причем больше всего немцев возмущала не содержательная сторона документа, не конкретные условия, а именно их нарочито унижительный для побежденных характер. Эта ненависть подсознательно переносилась и на «нелюбимую» республику, вынужденную подписать этот мир. Ноябрьская революция в массовом сознании тесно переплеталась с поражением в войне. Этой ненавистью активно пользовались противники республики всех мастей, в числе которых был и Гитлер. В определенном смысле можно сказать, что Версальский договор в том виде, в котором он появился на свет, стал одной из важнейших предпосылок дальнейшего прихода Гитлера к власти.

Представителей России тоже не пригласили в Париж. Отчасти это было понятно – вставал вопрос, а кого, собственно говоря, считать представителем России? В стране начиналась Гражданская война, и ни белые, ни красные не могли претендовать на то, чтобы говорить от имени всего народа. К тому же с конца 1917 года полным ходом шла иностранная интервенция. Страны Антанты – Великобритания, Франция, Япония, США – отправили свои контингенты в Россию, чтобы защищать свои интересы. Эти интересы в значительной степени совпадали с интересами Белого движения. Не случайно Уинстон Черчилль в книге «Мировой кризис» написал: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сража-

лись на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские бело-гвардейцы сражались за наше дело».

Хотя масштабы прямой интервенции, а также объем материальной помощи, оказанной белым, были довольно скромными и не сыграли решающей роли в Гражданской войне, сам факт вмешательства Антанты задал тон последующим отношениям большевистского руководства с Западом. С тех пор главной угрозой в Москве считали новую интервенцию, «крестовый поход» объединенных капиталистических держав против молодого советского государства. Тем более что недостатка в голосах, призывавших к такому походу, в тогдашней Европе не было. Соответственно и основная цель советской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить складывания единого империалистического фронта и новой интервенции. В качестве главного противника и возможного организатора «крестового похода» рассматривалась в первую очередь Великобритания.

Таким образом, и Россия, и Германия по результатам Первой мировой войны оказались в стане проигравших. Они были фактически исключены из новой системы международных отношений, где правили бал Париж и Лондон. Русских и немцев называли «париями Версаля». Естественно, это стало мощным стимулом к тому, чтобы объединить свои усилия. Укрепление отношений двух стран позволяло обеим выйти из внешнеполитической изоляции, усилить свои позиции на мировой арене.

Помимо этого, в начале 1920-х годов была масса сугубо практических соображений, толкавших стороны к сотрудничеству. Германские военные считали, что помощь России совершенно необходима в борьбе против общего врага – Польши. Польское государство в результате Версальского мира получило обширные территории с немецким населением, а в результате советско-польской войны 1920–1921 годов – большие куски украинских и белорусских земель. Таким образом, и в Берлине, и в Москве Польшу считали одним из главных врагов. А общий враг – лучший стимул для дружбы.

Лучший, но не единственный. Еще одним важным фактором стали экономические соображения. И Россия, и Германия были фактически отрезаны победителями от мировой торговли. Между тем обе страны отчаянно нуждались в возобновлении внешнеэкономических связей. Восстановление российско-германской торговли позволяло решить эту проблему.

Конечно, у власти в России стояли красные, грозившие зажечь во всем мире революционный пожар. В Германии это многих смущало. Однако как раз представители консервативной военной и бюрократической элиты Веймарской республики (так стали неофициально называть новую Германию) не видели в этом ничего страшного. Они принимали в расчет сугубо практические соображения. Кто бы ни стоял у власти в России, Москва является в данный момент ценным союзником. А уж о том, чтобы не допустить новой революции у нас, мы уж как-нибудь сами позаботимся. Идеологические разногласия играли – и будут играть – в отношениях двух стран скорее подчиненную роль.

В апреле 1922 года был подписан знаменитый Рапалльский договор, новость о котором прогремела по всей Европе как удар грома. Две «парии Версаля» сговорились под самым носом у победителей – на Генуэзской конференции, устроенной ради того, чтобы обсудить экономические проблемы Европы, а заодно получить побольше денег с немцев и русских. Да еще и на каких условиях сговорились – полный отказ от взаимных претензий, восстановление дипломатических и экономических отношений без всяких предварительных условий! В Лондоне и Париже пришли в ярость. К слову сказать, многие германские политики, в том числе и министр иностранных дел Вальтер Ратенау, предвидели эту реакцию и потому очень скептически относились к сближению с Россией. Однако лучшего варианта у Веймарской республики в той ситуации просто не было.

Тогда же, в начале 1920-х годов, стартовало строго секретное тогда и широко известное ныне секретное сотрудничество между Красной Армией и рейх-свером. Как и российско-германские отношения в целом, оно было взаимовыгодно. Немцы получали возможность испытывать новые виды вооружений (авиацию, танки, химическое оружие), запрещенные для них согласно Версальскому договору, и обучать обращению с ними своих солдат. Советская сторона получала доступ к германским техническим и военным достижениям, а также обучала своих военнослужащих работе с новой техникой под руководством лучших солдат мира.

В 1990-е годы это сотрудничество попадет под мощный огонь критики в российской публицистике. Дескать, советское руководство твердило о миролюбии, а само в обход Версальского договора помогало немцам вооружаться! Выпустили даже книгу под громким названием «Фашистский меч ковался в СССР». Взглянет человек на обложку – и все понятно: вот кто, оказывается, вооружал Гитлера! Сами, значит, в своих бедах целиком виноваты!

Эпоха национального самобичевания, слава богу, пока миновала, и можно взглянуть на вещи трезво. Во-первых, ни в Германии, ни в Советском Союзе начала двадцатых годов не могли предвидеть, что Гитлер придет к власти и германская армия станет его инструментом. Для обеих сторон, как уже сказано выше, сотрудничество было взаимовыгодным. В частности, СССР не только получал военные знания и технологии, но и укреплял дружественные отношения с одной из ведущих европейских стран, тем самым вбивая клин в возможный единый антисоветский фронт империалистических держав. Надо сказать, что в течение всех 1920-х годов продолжалась «борьба за Германию» между странами Антанты и Советским Союзом. Каждая из сторон стремилась на случай будущего конфликта перетянуть немцев на свою сторону. Надо сказать, что германские дипломаты, которыми в те годы руководил умный и реалистично мыслящий политик Густав Штреземанн, умело использовали все выгоды этой ситуации, лавируя между Западом и Востоком. Втянуть в какую-либо антисоветскую коалицию немцы себя не давали и даже при вступлении в Лигу Наций особо оговорили, что не собираются принимать участие в коллективных санкциях, направленных против Советского Союза.

Во-вторых, советское руководство никоим образом не должно было учитывать в своей деятельности Версальский договор. То, что немцы его нарушали, было проблемой стран, разработавших и подписавших это соглашение, а не Советского Союза. Быть святее папы римского являлось бы со стороны большевиков непростительной глупостью. Потому что сотрудничество с немцами приносило очень высокие дивиденды. В первой половине 1920-х годов германская сторона организовала на советской территории строительство авиационного и химического заводов, модернизировала наши производственные мощности по выпуску боеприпасов. Хотя больших объемов производства добиться по ряду причин не удалось, все эти объекты в дальнейшем, уже став полностью советскими, сыграли огромную роль в становлении отечественного военно-промышленного комплекса.

С середины 1920-х годов началось активное сотрудничество в сфере военного обучения. В Липецке открывается летное училище, в Казани – танковая школа, в Саратовской области – химический объект «Томка». Нужно подчеркнуть, что строительство велось в первую очередь на немецкие деньги. С этими учебными заведениями связано огромное количество мифов. Утверждается, что едва ли не вся военная элита Третьего рейха (включая, например, Гейнца Гудериана) проходила здесь обучение. Это, конечно же, сказки – в Липецкой школе было подготовлено менее 300 немецких летчиков и летчиков-наблюдателей, в Казанской – и вовсе жалкие крохи, около 30 танкистов, среди которых никогда не было Гудериана. Стоит ли упоминать о том, что в начале 30-х годов, после прекращения сотрудниче-

ства, все эти объекты, выстроенные на немецкие деньги и оснащенные немецкой техникой, превратились в советские «кузницы кадров»?

Таким образом, как справедливо замечает Игорь Пыхалов, правильнее было бы говорить о том, что «советский меч ковался в Германии». В любом случае военное сотрудничество РККА и рейхсвера никак не повлияло на приход к власти Гитлера и последующее развязывание им мировой войны.

Однако у обличителей «преступного сталинского руководства» имеется в рукаве еще один козырь. Это тезис, который формулируется примерно так: «Запретив германским коммунистам сотрудничать с социал-демократами, советские руководители тем самым не позволили создать единый фронт, который остановил бы Гитлера». Перед мысленным взором читателя сразу пробегают картины – социал-демократы умоляют коммунистов о союзе, те плачут, но не могут согласиться, поскольку затылок им холодят стволы винтовок сталинских палачей. В реальности все выглядело совершенно иначе.

Отношения между двумя германскими левыми партиями – КПП и СДПГ – носили очень сложный характер. Надо сказать, что среди политических сил Веймарской республики именно социал-демократы были едва ли самыми враждебными Советскому Союзу. В большевиках они видели еретиков, опасных и безответственных радикалов, которые своим террором и подрывной деятельностью только компрометируют вполне уважаемую социал-демократическую идею. Соответственно и к компартии, которую (отчасти вполне справедливо) считали «рукой Москвы», относились негативно. Кроме того, обе партии конкурировали за одну и ту же группу избирателей – городской рабочий класс, – что явно не улучшало их отношений. Поэтому раздор между коммунистами и социал-демократами объясняется не только и не столько вмешательством Сталина и Коминтерна, сколько сугубо внутренними причинами.

Но представим себе, что партии преодолели свои разногласия и договорились о сотрудничестве. Что в таком случае произойдет? Во-первых, возникает серьезная угроза раскола СДПГ и сужения ее электоральной базы. Благодаря своему дистанцированию от радикалов немецкие социал-демократы смогли привлечь в свои ряды множество людей с умеренными взглядами, для которых союз с коммунистами был совершенно неприемлем. Однако это были еще цветочки; заключив союз с КПП, лидерам социал-демократии пришлось бы полностью отказаться от сотрудничества с партиями буржуазного центра, которому они придавали большое значение.

В свою очередь, и среди коммунистов и их избирателей было немало тех, кто воспринимал социал-демократов как «системную» партию и возражал против союза с ними. Стоит напомнить, что после прихода Гитлера к власти многие избиратели и даже члены КПП перешли под его знамена. Их называли «бифштексами» – «снаружи коричневые, внутри красные». Объясняется это не близким родством коммунизма и нацизма (как любили утверждать на Западе в годы «холодной войны» и позднее), а тем, что обе партии мобилизовали протестный, антисистемный электорат, которому было все равно, за кого голосовать, лишь бы они выступали за радикальные изменения существующей системы. Союз с социал-демократами наверняка заставил бы часть этого электората отвернуться от коммунистов.

Но допустим даже, что ни одна из двух партий не понесла бы от такого союза никаких потерь и все избиратели дружным строем отправились бы вслед за своими вождями. Тем самым мы уже входим в область практически невероятного, но давайте доведем наш мысленный эксперимент до полного завершения. Для этого нам потребуются лишь небольшие знания арифметики.

Угроза прихода нацистов к власти стала актуальной в 1930 году, когда на парламентских выборах они неожиданно даже для самих себя набрали 18,3 % голосов и получили 107 мандатов. КПП на этих выборах получила 13,1 % голосов, СДПГ – 24,5 %. Вместе они, таким

образом, не набирали и 40 % голосов избирателей. До абсолютного большинства не хватало еще очень многого.

Следующие выборы состоялись в июле 1932 года. На них НСДАП добилась ошеломительного успеха, став самой сильной партией страны – 37,4 % голосов! КПП смогла немного увеличить ряды своих сторонников – до 14,6 %. СДПГ, наоборот, проиграла – 21,6 %. Сказалась репутация «системной» партии. Если сложить результаты, получится 35,2 % – меньше, чем у НСДАП.

Политический кризис углублялся, и в ноябре того же года были проведены новые выборы. На них нацисты понесли некоторые потери – доля их электората снизилась до 33,1 % – однако сохранили за собой положение сильнейшей партии. КПП получила 16,9 % голосов, СДПГ – 20,4 %, вместе – 37,3 %.

Какова итоговая картина? Даже при самом благоприятном раскладе доля двух левых партий вместе взятых в германском парламенте колебалась в рамках 35–40 %. До абсолютного большинства оставался еще долгий путь. К тому же весьма вероятно, что формирование «левого блока» не затруднило, а облегчило бы Гитлеру приход к власти. Как известно, назначение нацистского фюрера главой правительства лоббировали группировки консервативной политической элиты и большого бизнеса, напуганные «красной угрозой».

Теперь зададим обратный вопрос – какую роль в приходе Гитлера к власти сыграли будущие западные союзники по антигитлеровской коалиции? Есть люди, считающие, что эта роль была абсолютной. Например, Гвидо Джакомо Препарата написал целую книгу под названием «Гитлер, Инс. Как Британия и США создавали Третий рейх». Правда, не найдя для своей теории достаточного количества доказательств, синьор Препарата широко применяет аргументы из арсенала теории заговора, сомнительные факты и натянутые выводы. С тем же успехом можно доказывать, что Гитлер был плодом древней магии жрецов Амона. Поэтому вернемся к более серьезным исследованиям.

В советское время всячески подчеркивалась роль в успехе национал-социалистов крупного капитала, финансировавшего Гитлера. Действительно, пожертвования в фонд НСДАП со стороны большого бизнеса были существенными. После выборов 1930 года субсидии со стороны крупной промышленности начинают широкой рекой течь в кассу партии. Флик, Шредер, Тиссен, Шахт – вот далеко не полный список магнатов, которые начинают вкладывать деньги в Гитлера. С этого момента отношения между НСДАП и большим бизнесом начинают развиваться, так сказать, по восходящей спирали – чем большие субсидии получают нацисты, тем легче им вести предвыборную борьбу и привлекать голоса избирателей; чем больше людей привлечет под свои знамена партия, тем более привлекательным «объектом инвестиций» она становится в глазах предпринимателей. Еще с января 1930 года по инициативе Кирдорфа, который распорядился фондами Союза горнорудных и стальных предпринимателей, так называемым «Рурским сокровищем», в пользу гитлеровской партии начали отчисляться по 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. В год это составляло 6 миллионов марок. Рейнско-вестфальская промышленная группа перечислила в кассу НСДАП за 1931–1932 годы не менее миллиона марок.

Весной 1932 года сторонники Гитлера из числа «капитанов экономики» объединяются в рамках так называемого «кружка Кеплера» (позднее он станет известен под именем «общества друзей Гиммлера»). Цель создания кружка – не только финансирование нацистской партии, но и контроль над ее экономической программой. Гитлер, впрочем, был совсем не против пойти навстречу пожеланиям своих спонсоров, о чем вполне недвусмысленно заявил на первом же заседании кружка.

Кроме того, немецкие промышленники оказывали и политическое давление на президента Гинденбурга. Особенно важную роль сыграла петиция, поступившая 19 ноября в канцелярию президента и подписанная такими ключевыми фигурами немецкой экономики, как

Тиссен, Шредер, Шахт, директор «Коммерцбанк» Рейнхарт, монополист калийного производства Ростерг, председатель союза юнкеров «Ландбунд» Калькрейт и многие другие. Петиция содержала требование передать «крупнейшей группе национального движения руководящее участие в правительстве».

Часть крупных корпораций, поддерживавших Гитлера, в той или иной степени принадлежала иностранным, в первую очередь американским, компаниям. Можно ли на этом основании утверждать, что «США финансировали приход нацистов к власти»? С очень большими оговорками. Во-первых, лидирующую роль играли все-таки капитаны немецкой экономики. Во-вторых, следует проводить границу между бизнесом частных корпораций и государственной политикой.

Означает ли это, что западные державы ни в малейшей степени не виноваты в приходе нацистов к власти? Сложный вопрос. С одной стороны, прямой поддержки от англичан, французов или американцев Гитлер не получал. С другой – именно детище Антанты, Версальский мирный договор, создал те рамочные условия, в которых оказался возможен оглушительный успех НСДАП. Возмущение унижительными условиями мира, недоверие к республиканским институтам, усталость от экономической нестабильности – эти плоды Версаля способствовали оглушительному успеху Гитлера у немецкого избирателя. В то же время нужно оговориться, что Версальский мир сам по себе еще не делал неизбежным приход нацистов к власти. Гитлер занял пост канцлера благодаря сочетанию большого количества самых различных факторов.

Итак, в январе 1933-го началась история Третьего рейха. Первые годы нового режима стали временем оглушительных внешнеполитических успехов. К весне 1939 года Гитлеру удалось воссоздать сильную армию, а под его контролем находилась территория большая, чем у германского кайзера в 1914 году. Как же получилось, что побежденная, скованная множеством ограничений страна смогла за короткий срок превратиться в могучего противника? И, если уж на то пошло, кто это допустил?

В советское время на эти вопросы давался простой ответ: западные державы. Часто можно было прочесть, что советская держава с момента прихода Гитлера к власти порвала с Германией всяческие отношения и неустанно работала над созданием системы коллективной безопасности, которая смогла бы сохранить мир в Европе. Эта работа не увенчалась успехом – целиком и полностью по вине западных держав, которые проводили политику «умиротворения». Цель этой политики была проста – натравить Гитлера на СССР и уничтожить его руками социалистическое государство. Но советское руководство не сдавалось и продолжало упорно призывать страны Западной Европы к сотрудничеству. Только оказавшись в безвыходной ситуации, Сталин вынужден был подписать пакт с Гитлером, который позволил ему избежать вступления во Вторую мировую войну.

Противопоставить этой картине равную по убедительности западная историческая наука не смогла. Действительно, обнаружить какую-либо ответственность СССР за аншлюс Австрии или ввод немецких войск в Чехию невозможно даже при большом желании. Поэтому наши бывшие союзники делали основную ставку на осуждение пакта Молотова – Риббентропа. В созданной ими картине получалось, что до заключения этого пакта Третий рейх был не слишком опасен, и только злополучный договор толкнул его на войну. С особым пристрастием смаковались подробности секретных протоколов, которые расценивались как раздел Восточной Европы двумя диктаторами, один из которых ничем не лучше другого. Попробуем же разобраться, где здесь правда, а где вымысел. Для этого нам придется рассмотреть несколько сюжетов.

Первый из них – это планы Гитлера. Какова была его реальная внешнеполитическая программа? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Дело в том, что Гитлер не оставил дневников, практически не писал писем и меморандумов. В разговорах с различными

людьми, в том числе с ближайшими сподвижниками, он мог говорить совершенно разные, порой прямо противоположные вещи. Определенное представление о планах Гитлера могут дать его произведения («Моя борьба» и вторая, оставшаяся при его жизни неопубликованной, книга), немногочисленные документы и выступления перед избранной аудиторией.

Анализируя эти тексты, можно сделать несколько выводов. Во-первых, главной целью германской политики Гитлер считал захват «жизненного пространства» на востоке Европы. Во-вторых, он считал неизбежной войну за европейскую гегемонию. Конфликт между славянами и германцами, по его мнению, был неотвратим. Этот конфликт, считал Гитлер, нельзя откладывать в долгий ящик, но к нему необходимо тщательно подготовиться. Лидер нацистов был умелым тактиком и был способен проводить достаточно гибкую политику. Каждый шаг на пути к своей цели он сочетал с уверениями в неизменном миролюбии рейха. Гитлер мог менять свои планы, сообразуясь с реальными обстоятельствами, и умело использовать противоречия между потенциальными противниками Германии. Несмотря на все тактические маневры, он никогда не упускал из виду главной цели. Поэтому можно сказать, что начать европейскую войну в подходящей ситуации он собирался с момента своего прихода к власти.

Однако перед нами стоит более важный вопрос – как получилось так, что ему удалось реализовать свои планы по подготовке к войне? И не просто реализовать, а весьма успешно? В какой мере этому способствовали (или, по крайней мере, не препятствовали) зарубежные державы?

Начнем с советской внешней политики. Скажем сразу: картина полного и принципиального разрыва Советского Союза с Германией сразу же после прихода Гитлера к власти не соответствует действительности. Разумеется, назначение канцлером главного врага коммунистов оказало большое влияние на отношения двух стран. Однако и политические, и экономические контакты продолжались. Советские дипломаты какое-то время надеялись, что с приходом Гитлера к власти советско-германские отношения существенным образом не изменятся. На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года Сталин заявил: «Мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

Нацисты на первых порах поддерживали эти иллюзии. Разумеется, говорить о принципиальности советского подхода в данном случае не приходится, но принципиальность в дипломатии – качество весьма редкое в принципе. Демонстративно порвать с Германией значило бы, полагали в Москве, толкнуть страну в объятия западных держав. То есть сделать более вероятной ту самую широкую коалицию империалистических стран, которой так опасались советские руководители. Свидетельством появления такой коалиции стал так называемый «Пакт четырех» (официальное название – «Пакт согласия и сотрудничества»), подписанный в Риме 15 июля 1933 года представителями Англии, Франции, Италии и Германии. Он предусматривал сотрудничество четырех держав в вопросах европейской политики. Несмотря на то что пакт так и не был ратифицирован и не вступил в силу, он получил вполне однозначную оценку советской стороны: «Сговор английского и французского правительств с германским и итальянским фашизмом, уже тогда не скрывавшим своих агрессивных намерений. Вместе с тем этот пакт с фашистскими государствами означал отказ от политики укрепления единого фронта миролюбивых держав против агрессивных государств».

В такой ситуации рвать отношения с Германией значило играть на руку противникам СССР в Европе. Поэтому большинство шагов, направленных на ослабление отношений между двумя державами, сделали сами немцы. Гитлер делал все большую ставку на создание Третьему рейху образа «европейского бастиона против большевизма», который он в дальнейшем умело использовал на переговорах с западными державами. В то же время

периодически переговоры об улучшении отношений возобновлялись. Их инициаторами с германской стороны являлись в первую очередь один из ближайших сподвижников Гитлера, уполномоченный по выполнению Четырехлетнего плана рейхсмаршал Геринг и президент Рейхсбанка Шахт. Оба они считали экономическое сотрудничество с СССР необходимым для решения проблем германской промышленности, связанных с ускоренным перевооружением. Однако Гитлер каждый раз ставил крест на этих планах. А после 1936 года уже и советская сторона перешла в режим жесткой конфронтации. Этому способствовало подписание договора с Францией, а также начало Гражданской войны в Испании, где советские и германские военнослужащие впервые после 1918 года встретились на поле боя.

Имело ли советское руководство возможность помешать усилению Германии в 1930-е годы? Необходимо, в первую очередь, констатировать, что для борьбы с Третьим рейхом в одиночку у СССР отсутствовали как возможности, так и легитимные основания. Усиление гитлеровской Германии происходило мирным путем, хотя и с нарушением Версальского договора, однако с полного согласия держав, этот договор подписавших. Советский Союз, который не являлся гарантом Версальского мира, не имел никаких законных оснований жестко реагировать на восстановление в Германии всеобщей воинской повинности или аншлюс Австрии. Более того, такая реакция была бы расценена как агрессия. Поэтому единственное, что оставалось, – это попытки организовать систему коллективной безопасности, которая не позволила бы Третьему рейху выйти за определенные рамки.

С 1933 по 1939 год советская дипломатия выступила с целым рядом инициатив на этом направлении. Так, в феврале 1933 года на рассмотрение Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Женеве была внесена декларация об определении агрессии, которая позволяла уточнить значение этого понятия. Соответствующий документ был подписан целым рядом государств, однако в их числе не оказалось ни одной великой европейской державы.

В следующем, 1934 году народный комиссар иностранных дел СССР Максим Литвинов выступил с идеей региональных пактов, которые должны были быть созданы в наиболее проблемных с точки зрения конфликтов регионах планеты, в том числе в Восточной Европе. Советский Союз как раз вступил в Лигу Наций, что определенным образом повысило его возможности на международной арене. Однако из идеи Литвинова ничего не вышло. Тем не менее определенный успех наметился на другом направлении – переговорах с Францией о заключении двустороннего соглашения. Несмотря на то что главный сторонник сближения с Советским Союзом – министр иностранных дел Луи Барту – был убит в октябре 1934 года, его преемники довели начатое дело до конца. 2 мая 1935 года советско-французский договор о взаимопомощи был подписан. 16 мая за ним последовал советско-чехословацкий договор. Эти договоры стали серьезным успехом советской дипломатии. Правда, имелись и настораживающие моменты. Так, с ратификацией соглашения французы тянули неприлично долго – до конца февраля 1936 года. Уклонилось французское правительство и от обсуждения более конкретных военных обязательств сторон.

Однако на этом успехи закончились. Предложения СССР по созыву международной конференции для рассмотрения «практических мер против развития агрессии и опасности новой мировой бойни» были в марте 1938 года отклонены Великобританией. К этому моменту недоверие между Советским Союзом с одной стороны и западными державами с другой стремительно росло. В Лондоне и Париже со сложными чувствами наблюдали за «большим террором» в СССР, в частности, за чистками командного состава. Многие полагали, что эти репрессии настолько ослабили РККА, что Советский Союз на некоторое время потерял всякую ценность в качестве военного союзника. Кроме того, деятельность Коминтерна не способствовала укреплению доверия к СССР со стороны западных политиков. Как

можно полагаться на союзника, который спит и видит, как бы организовать в твоей стране революцию?

В свою очередь, и у советского руководства хватало поводов для недоверия к своим западным партнерам. Раз за разом они спускали Гитлеру с рук самые грубые нарушения Версальского договора. Поневоле возникал вопрос – в чем причина столь лояльного отношения к еще недавно ненавистным немцам? Ответ – в рамках тех представлений, которые существовали у советских политиков, – напрашивался сам собой.

Уже в первый год после своего прихода к власти Гитлер предпринял шаги, которые должны были вызвать тревогу в европейских столицах. Осенью 1933 года германская делегация покинула Женевскую конференцию, а сама Германия вышла из Лиги Наций. Обоснование было простым – страна не может участвовать в работе организации, которая отказывает ей в равноправии. Имелось в виду, разумеется, равноправие в военной сфере. В марте 1935 года Гитлер торжественно объявил о возвращении к всеобщей воинской повинности. Одновременно официально создавались военно-воздушные силы – люфтваффе. Фактически Германия в одностороннем порядке аннулировала военные ограничения, наложенные на нее Версальским мирным договором.

Из Парижа, Лондона и Рима в Берлин полетели ноты протеста. Однако прошедшая вскоре конференция трех держав в Стресе завершилась, по сути, ничем. Британские политики не только отказались принимать какие-либо меры в отношении Германии, но и подписали в июне 1935 года морское соглашение с Гитлером. В соответствии с ним, предельный тоннаж германского военно-морского флота устанавливался в 35 % от британского. Немцам разрешалось строить подводные лодки (еще один вид оружия, запрещенный Версальским договором).

Договор этот был крайне выгоден Третьему рейху в двух отношениях. Во-первых, тоннаж германского флота на тот момент был гораздо меньше обозначенного 35-процентного предела. Во-вторых – и это, пожалуй, было еще важнее – один из главных гарантов Версальского договора фактически признавал отмену военных статей последнего. Гитлер какое-то время даже надеялся на то, что это соглашение является лишь прологом к настоящему союзу с Лондоном. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Следующий шаг был еще смелее. В соответствии с Версальским договором, германская территория западнее Рейна – так называемая Рейнская зона – была демилитаризованной. Там было запрещено размещать какие-либо военные части. Однако 16 марта 1936 года германские батальоны в торжественной обстановке пересекли Рейн и отправились к новым местам расквартирования. Немецкие истребители приземлились на аэродромах, расположенных на левом берегу великой европейской реки. Этот шаг был нарушением не только Версальского, но и Локарнского договора, подписанного в 1925 году всеми великими державами Европы и Бельгией. Обоснование, предъявленное Гитлером остолбеневшей Европе, было весьма шатким. Дескать, советско-французский договор сам по себе нарушает Локарнское соглашение, и Германия просто вынуждена реагировать, чтобы обеспечить свою безопасность. Насколько хрупкой была подобная аргументация, прекрасно понимали и в Берлине. Поэтому ряд военных и государственных деятелей возражали против «Рейнской авантюры», считая ее ничем не оправданным риском. Сам Гитлер понимал всю степень риска и отдал приказ немедленно отвести войска, если французы примут контрмеры.

Однако французы не шелохнулись. Разумеется, они заявили протест, но никаких решительных действий предпринято не было. В Париже не хотели действовать без поддержки из Лондона. А англичане не видели в произошедшем особого повода для беспокойства. «В конце концов, немцы просто зашли в свой собственный задний дворик», – заметил один из британских дипломатов, лорд Лотиан. Гитлер мог выдохнуть с облегчением. Его авторитет как внутри Германии, так и во всей Европе значительно вырос. Французы же в глазах многих

политиков, особенно в малых странах Европы, предстали слабаками, неспособными защитить свои собственные интересы.

В том же 1936 году началась Гражданская война в Испании. Официальной позицией европейских государств стало невмешательство в этот внутренний конфликт. В сентябре 1936 года был создан Международный комитет по соблюдению политики невмешательства в испанские дела. Было принято решение о введении эмбарго на поставки оружия обеим воюющим сторонам. Однако и Италия, и Германия с самого начала нарушали это эмбарго, активно помогая мятежникам во главе с Франсиско Франко. В Лондоне и Париже на это смотрели сквозь пальцы. В Советском Союзе, который начал оказывать помощь законному республиканскому правительству, это расценили однозначно – как поддержку франкистов.

Своего пика политика «умиротворения», однако, достигла в 1938 году. В начале года состоялось присоединение Австрии – так называемый «аншлюс». С формальной стороны оно было вполне добровольным. Под давлением Гитлера австрийский канцлер Курт фон Шушниг согласился сначала допустить нацистов в свое правительство, а затем и вовсе уступить им власть. Новый канцлер, Зейс-Инкварт, немедленно обратился в Берлин за «помощью». 12 марта германские войска пересекли австрийскую границу. На следующий день Австрия стала провинцией Третьего рейха.

Ни Великобритания, ни Франция не посчитали нужным вмешаться в происходящее, несмотря на то, что по сути имел место акт неприкрытой агрессии. Кроме того, аншлюс Австрии был напрямую запрещен Версальским договором. Однако об этом документе, когда-то легшем в основу новой системы международных отношений, теперь уже старались не вспоминать. Негативно отреагировал британский премьер-министр Невилл Чемберлен и на предложение Москвы созвать конференцию для обсуждения дальнейших мер против германской агрессии.

После присоединения Австрии Гитлер считал, что пришла пора действовать. Несмотря на то что армия еще находилась в процессе формирования, фюрер был готов пойти даже на риск войны. В мае 1938 года с его подачи разразился кризис в отношениях с Чехословакией по так называемому Судетскому вопросу. Западные районы Чехословакии – так называемую Судетскую область – компактно населяли немцы, лидеры которых уже длительное время требовали автономии. По указке из Берлина они резко увеличили свою активность, что привело к серьезным конфликтам и дало Гитлеру возможность выступить в роли «защитника угнетаемых братьев». Однако чехи не были готовы уступать. Английский и французский послы также заявили, что нападение Германии на Чехословакию будет означать европейскую войну.

Гитлер заявил о том, что не планирует воевать, однако на деле военные приготовления продолжались. Острота кризиса сохранялась. Западные союзники оказывали на президента Чехословакии Эдварда Бенеша давление, вынуждая его к уступчивости. Однако никакие уступки со стороны Праги не удовлетворяли Гитлера. Его цель заключалась в том, чтобы нанести Чехословакии решающее – военное или дипломатическое – поражение.

Эту точку зрения разделяли далеко не все в Берлине. В военных и бюрократических кругах политику фюрера многие считали безответственным риском, в результате которого Германию вновь постигнет катастрофа. Заговорщики, желавшие устранить Гитлера, активизировались. Однако им была нужна поддержка иностранных держав. В августе 1938 года в Лондон прибыл генерал Эвальд фон Клейст, впоследствии один из главных «танковых полководцев» вермахта. Встретившись с Черчиллем, он умолял его повлиять на британскую политику: если позиция Лондона в чехословацком вопросе будет жесткой, заговорщики смогут сместить Гитлера. Однако Чемберлен, которому Черчилль передал слова генерала, попросту проигнорировал их.

15 сентября Чемберлен впервые в своей жизни сел в самолет и отправился в Германию. В Берхтесгадене он встретился с Гитлером, который заявил о своей позиции: он не хочет войны, но готов воевать, если Чехословакия не передаст рейху территории с немецким населением. Чемберлен пообещал проконсультроваться с французами, получив в ответ обещание не предпринимать ничего до получения известий из Лондона.

На спешно созванном английской стороной совещании с французским премьер-министром Даладье и министром иностранных дел Боннэ было решено оказать нажим на Чехословакию. 19 сентября в Прагу было отправлено письмо, в котором от Бенеша требовали уступить германским запросам. Если же чехи не послушают «добраго совета», то англичане и французы могут лишь умыть руки. «Английский и французский посланники 21 сентября в два часа ночи снова посетили президента и заявили, что в случае, если мы отклоним предложения их правительств, мы возьмем на себя риск вызвать войну. Французское правительство при таких обстоятельствах не могло бы вступить в войну, его помощь была бы недействительной. Принятие англо-французских предложений является единственным средством воспрепятствовать непосредственному нападению Германии. Если мы будем настаивать на своем первоначальном ответе, Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру и Англия не сможет взять на себя ответственность. Ввиду этого ультимативного вмешательства, оказавшись в полном одиночестве, чехословацкое правительство, очевидно, будет вынуждено подчиниться непреодолимому давлению», – описывал ситуацию чехословацкий министр иностранных дел. В итоге Прага согласилась передать Германии территории, на которых большинство населения захочет оказаться в составе рейха.

Однако это решение уже не устраивало Гитлера, который решил играть ва-банк и повысить ставки. 23 сентября шокированный Чемберлен услышал из его уст о том, что Германия требует права немедленно оккупировать Судетскую область без всякого плебисцита. Это было уже слишком. Французские власти объявили частичную мобилизацию и пообещали в случае начала войны прийти чехам на помощь. В Лондоне было объявлено о мобилизации флота. Казалось, гитлеровской агрессии наконец-то будет дан достойный отпор.

27 сентября Гитлер отправил Чемберлену письмо, в котором согласился продолжить переговоры по решению Судетского вопроса. 28 сентября Муссолини по инициативе Англии выступил с предложением созвать международную конференцию, которое было с облегчением воспринято как в Париже, так и в Берлине. Конференция четырех держав состоялась 29–30 сентября. Чехословацкие представители не были допущены на нее – фактически им предложили дожидаться, пока решится судьба их страны, за закрытыми дверями.

Итогом конференции стало печально известное Мюнхенское соглашение, получившее в отечественной литературе название «Мюнхенского сговора». Фактически в него вошли все предъявленные Германией требования. Третий рейх получал право оккупировать Судетскую область, оккупация должна была начаться уже 1 октября. Взамен Чехословакия получала лишь гарантии своих новых границ со стороны четырех держав – участниц соглашения.

На следующий день Гитлер и Чемберлен подписали британско-германскую декларацию, в которой заявляли о намерении никогда не воевать друг с другом и решать все проблемы методом консультаций. «Я привез мир для целого поколения», – заявил Чемберлен ликующей толпе, спускаясь в Лондоне по трапу самолета. Очень скоро стало ясно, насколько глубоким было это заблуждение.

Но чем объяснить политику «умиротворения»? Почему Лондон и Париж раз за разом уступали Гитлеру, усиливая его позицию и ослабляя свою? В поисках ответа на этот вопрос пролито немало чернил. Попробуем и мы поискать его.

В первую очередь нужно принять во внимание, что в истории у любого сложного явления или процесса, как правило, существует не одна, а множество причин. На примере поли-

тики «умиротворения» это видно особенно четко. Однако прежде чем перечислять упомянутые причины, нужно сказать об еще одной важной вещи.

Очень часто о действиях той или иной исторической личности судят с позиций послезнания. То есть оценивают принятые решения, уже зная, что за этими решениями последует и каков будет результат. Однако соль заключается в том, что сам персонаж, принимающий решение, этих последствий еще не знает. Для него они в будущем, порой далеком. Он располагает иной информацией, нежели мы. И если мы попробуем понять, какая информация у него имела, то часто оказывается, что ситуация начинает выглядеть совершенно иным образом. Особенно важно это учитывать, если мы пытаемся понять мотивы политиков прошлого.

Так вот, с точки зрения европейских политиков середины 1930-х годов, никаких существенных различий между Гитлером и его предшественниками во внешней политике не было. Действительно, лозунг пересмотра Версальского договора выдвинул отнюдь не Гитлер – его несли, как знамя, все немецкие канцлеры и министры иностранных дел. Добиваться равноправия в вооружениях на Женевской конференции начал опять же не Гитлер. И даже совершить аншлюс он пытался не первым – еще в 1931 году была сделана попытка сформировать Таможенный союз, который сделал бы Австрию экономическим придатком Германии. Тогда, правда, решительное сопротивление Франции разрушило все планы Берлина.

Однако в середине 1930-х годов, повторюсь, политика Гитлера представлялась скорее преемственностью, чем разрывом с политикой конца 1920-х – начала 1930-х годов. Никто не знал, что главной его целью было развязывание войны. Разумеется, кое-что было описано в «Майн кампф», но европейские политики прекрасно знали, что предвыборные обещания – это одно, а реальная политика – совсем другое. Гитлер представлялся им талантливым популистом, который, однако, в действительности твердо стоит ногами на земле и ставит перед собой ограниченные задачи. Тактическое мастерство германского лидера, казалось, подтверждало их предположения – внешне он выглядел упертым догматиком, готовым идти напролом ради осуществления утопии.

Следующей важной причиной политики «умиротворения» были распространенные в обществе пацифистские настроения. И в Англии, и в Германии еще слишком памятна была травма времен Первой мировой войны, миллионы погибших в кровавой и бессмысленной бойне. Война казалась слишком страшной для того, чтобы начинать ее из-за какого-то ввода немецких войск в их же собственную Рейнскую область. О том, что это является для Гитлера лишь этапом на пути к масштабной войне, никто не знал, да и не мог знать в точности. Сторонниками сохранения мира выступали и бизнес-круги, заинтересованные в международной торговле, в том числе с Германией.

Нежелание народов сражаться объяснялось еще и тем, что с точки зрения принципов, провозглашенных при создании новой системы международных отношений, претензии Гитлера не выглядели явной агрессией. К примеру, воссоздание вооруженных сил. Разве страна не имеет права обладать армией, которая позволит ей защищать свои границы? Разве это справедливо, лишать крупную европейскую державу авиации, которая является одним из главных родов войск? Или аншлюс Австрии. В Версальском договоре его запретили далеко не случайно – после распада Австро-Венгерской империи подавляющее большинство австрийских немцев рвалось в состав единой Германии. В итоге могла сложиться абсурдная ситуация, когда проигравшая войну страна в итоге значительно увеличивала свою территорию. С этой точки зрения все было понятно, но как же тогда быть с правом наций на самоопределение? Конечно, к 1938 году количество сторонников объединения с рейхом в Австрии поубавилось, но фюрера все равно встречали цветами, а никакого вооруженного сопротивления немцам оказано не было! Ну а то, что евреев заставили мыть тротуары... не воевать же из-за этого, право слово!

Даже претензии в адрес Чехословакии с этой точки зрения не выглядели откровенной агрессией. В конце концов, Гитлер требовал только территории, населенные немцами. А проблемы в отношениях с Прагой у судетских немцев появились далеко не вчера, и чешское правительство могло бы уже давно их решить. Сторонники такой трактовки не знали и не могли знать, чего в действительности хочет Гитлер – просто собрать всех немцев в одном государстве и на этом успокоиться или захватить власть над всей Европой. Первая задача казалась со стороны более вероятной, да и Гитлер своими действиями всячески старался укрепить у европейской общественности уверенность в том, что еще чуть-чуть – и он успокоится, как в свое время Бисмарк. А людям свойственно верить в лучшее.

Еще одной важной причиной «умиротворения» стал мировой экономический кризис. Правителям европейских стран хватало внутренних проблем. У них не было денег на то, чтобы включаться в гонку вооружений с Германией. В Великобритании, например, на увеличение военного бюджета пошли только в 1936 году, а реальное перевооружение началось двумя годами позднее. Ситуация во Франции выглядела не лучше. Кроме того, парижскую политическую элиту сотрясали постоянные правительственные кризисы, министерская чехарда, из-за чего Франция иногда оказывалась просто неспособна оперативно реагировать на происходящее на международной арене.

Тем не менее французы были готовы к решительным действиям. К чему они были не готовы – это действовать без поддержки Британии. В альянсе двух стран Франция постепенно все больше играла роль младшего партнера. Одной из причин этого служил опыт Рурского кризиса 1923 года, когда, введя войска в Рурскую область вопреки рекомендациям из Лондона, французы не только не смогли добиться своих целей, но и оказались на волосок от серьезного внешнеполитического провала.

А в Лондоне, в свою очередь, не спешили поддерживать союзника. Британские политики вернулись к традиционной стратегии «баланса сил», в соответствии с которой европейские континентальные державы должны были уравнивать друг друга. С этой точки зрения усиление Германии совсем не выглядело трагедией. Опять же, необходим был противовес наращивающему свою мощь Советскому Союзу. Идея о том, что против «красной угрозы» нужен надежный бастион, владела умами многих европейских политиков. Соглашение с Гитлером они откровенно предпочитали союзу со Сталиным и, если бы два диктатора сцепились друг с другом, вздохнули бы с облегчением.

Короче говоря, политика «умиротворения» была результатом причудливой смеси самых различных мотивов. Ее основной целью не было натравить Гитлера на Советский Союз (хотя, повторюсь, такая идея присутствовала в умах многих европейских политиков). И все же наше понимание мотивов западных лидеров не отменяет одного простого факта: именно политики в Лондоне и Париже сделали возможным усиление Третьего рейха. Именно в их силах было преградить путь усилению Германии и остановить Гитлера до того, как он стал слишком опасен. Своевременно сделано этого не было. А потом, в 1939 году, было уже поздно.

Действительно, большинство историков соглашается с тем, что именно Мюнхенское соглашение стало той «точкой невозврата», после которой Вторая мировая война стала неизбежной. Гитлер твердо взял курс на вооруженный конфликт. Он не собирался больше лавировать, идти на компромиссы и терять время. Его навязчивой идеей стало начать неизбежную войну, пока сам он еще находится в расцвете физических и умственных сил.

Для Гитлера Мюнхенское соглашение стало блестящей победой. Не только на международной арене – фактически успех Гитлера раздавил оппозицию в военной среде, заставив ее надолго забыть о своих планах. С этого момента фюрер окончательно исполнился уверенности в своем превосходстве над британскими и французскими лидерами. «Жалкие червяки» – так он назовет их немного позднее.

Но еще сильнее был эффект, произведенный Мюнхенским соглашением на советское руководство. Ставя свои подписи под печально известным документом, Чемберлен и Даладье нанесли смертельный удар не только Чехословакии. Они нанесли смертельный удар советской политике «коллективной безопасности». Анализируя происходящее в Мюнхене, советское руководство могло сделать – и сделало – два основных вывода. Первый: с Советским Союзом никто не собирается считаться всерьез. Его не хотят видеть одной из великих держав Европы и относиться как к равному. Его интересы никто не собирается принимать во внимание. Второй: договоренности с Парижем и Лондоном не стоят той бумаги, на которой написаны. Западные политики откажутся от них при необходимости под первым же подвернувшимся предлогом, если вообще дадут себе труд изобретать предлог. Даже своим ближайшим союзникам в Восточной Европе, Чехословакией, французы легко пожертвовали ради собственного спокойствия. Что уж говорить о Советском Союзе? «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку», – написал впоследствии Уинстон Черчилль, который не испытывал особых симпатий ни к Сталину, ни к Советскому Союзу.

Согласно представлениям советского руководства о закономерностях развития международных отношений, новая мировая война была неизбежна. Именно поэтому в конце 1938 года Сталин оказался в своей оценке происходящего ближе к истине, чем кто бы то ни было из западных политиков. После Мюнхена вопрос о том, начнется ли война, уже не стоял. Вопрос заключался в том, когда и как она начнется. И советское руководство было полно решимости сделать все возможное для того, чтобы занять к началу конфликта как можно более выгодную для себя позицию.

Именно так начался путь, который в дальнейшем привел к подписанию пакта Молотова – Риббентропа. Рассматривать это соглашение в отрыве от Мюнхенского сговора нельзя, как нельзя рассматривать крону дерева в отрыве от его корней.

Однако до августа 1939 года произошло еще много событий. Пакт Молотова – Риббентропа еще не был предрешен со всей определенностью. Еще были возможны варианты. В итоге все шансы на создание мощного антигерманского блока оказались упущены.

В декабре 1938 года состоялось подписание франко-германского соглашения, гарантировавшего неприкосновенность существующих границ. Многим казалось, что мир для целого поколения – и вправду не пустые слова. Однако уже вскоре после подписания Мюнхенского соглашения, в конце октября 1938 года, германская сторона предложила польскому руководству начать переговоры по спорным вопросам. В частности, речь шла о двух проблемах. Первой был статус Данцига, германского города, который после Первой мировой войны перешел под контроль Лиги Наций. Польша являлась главной сторонницей сохранения этого статуса, немцы, напротив, стремились присоединить его к рейху. Второй проблемой являлся так называемый «польский коридор» – протянувшаяся с юга на север полоска польской территории, дававшая стране выход к Балтийскому морю. Эта полоска разрезала территорию Германии на две части, отсекая Восточную Пруссию от остального рейха. В Берлине требовали права провести по этой полосе экстерриториальные железную и автомобильную дороги, которые связали бы между собой две половинки Третьего рейха.

Требования были сравнительно умеренные – в первую очередь чтобы не вызывать преждевременную тревогу в других европейских столицах. Как показал чехословацкий кризис, в случае уступок противоположной стороны ровным счетом ничто не мешало Гитлеру впоследствии их увеличить. Однако даже эти небольшие требования были неприемлемы для поляков. Польское руководство явно переоценивало силу своего государства, собираясь и дальше проводить независимую политику и не становиться сателлитом ни одной из великих

держав. Выполнение германских требований представлялось польским политикам несовместимым с государственным суверенитетом их страны.

На протяжении всех зимних месяцев продолжались переговоры. В начале 1939 года гитлеровские эмиссары фактически предложили полякам сотрудничество в борьбе против Советского Союза, обещая поделиться в случае успеха частью добычи. Насколько всерьез говорили немцы? Известно, что Гитлер, в отличие от многих германских военных и дипломатов, не питал какой-то особой ненависти к Польше и был вполне способен пойти на временный компромисс с ней. Как бы то ни было, поляки снова отказались – они готовы были обсуждать равноправное партнерство, но не опускаться до положения сателлита. Сегодня некоторые польские историки открыто сожалеют о том, что в 1939 году в Варшаве не пошли на союз с Гитлером...

Тем временем в Европе одно событие следовало за другим. 15 марта 1939 года части вермахта вошли в Прагу. Формально Гитлеру вновь удалось решить проблему мирным путем: подстрекаемые им словаки объявили о своей независимости, а президент Гаха под его напором заявил, что вверяет судьбу оставшейся части страны в руки германского фюрера. Чешские земли были превращены в «протекторат Богемия и Моравия».

Реакция западноевропейских стран, согласно Мюнхенскому соглашению выступивших в роли гарантов границ Чехословакии, оказалась на первых порах довольно вялой. Выступая в парламенте, Чемберлен заявил, что «словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладет конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство Его Величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством». Воевать из-за агонизировавшего чехословацкого государства по-прежнему никто не собирался. Более того – через некоторое время нацисты даже получили из Лондона чехословацкий золотой запас, который был заблаговременно отправлен туда чехами после Мюнхена.

Однако кое-что все же поменялось. Если прежнюю германскую экспансию еще можно было подвести под формулу «реализация права немецкой нации на самоопределение», то мартовская история не лезла ни в какие ворота. Поэтому Чемберлен, не прекращая попыток достичь взаимопонимания с Берлином, одновременно решил указать немцам на границы, которые им не следует пересекать. 31 марта, выступая в парламенте, Чемберлен заявил: «В случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом. Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества».

Хочу подчеркнуть одну важную вещь: предоставление гарантий Польше не являлось, как это часто утверждается, свидетельством полного отказа от политики «умиротворения». Попытки договориться с Гитлером продолжались и дальше. Однако политическая элита и общественное мнение европейских стран были не готовы к новым уступкам, которые означали бы полную капитуляцию перед Гитлером. Поэтому к господствовавшему ранее «прянику» было решено добавить какой-никакой «кнут».

Реакция Гитлера оказалась жесткой. Как раз в конце марта поляки сказали окончательное «нет» немецким требованиям по поводу Данцига и экстерриториальных коммуникаций. В апреле германское правительство объявило о разрыве германо-польского пакта о ненападении, заключенного в январе 1934 года. Заодно Гитлер аннулировал и военно-морское соглашение с Британией 1935 года, хотя особого практического смысла в этом не было –

немецкий флот был еще довольно далек от установленных лимитов. Однако с этого момента германская дипломатия начала работу над нагнетанием обстановки в Европе.

Многочисленные документы свидетельствуют, что уже тогда, весной 1939 года, Гитлер принял окончательное решение начать войну из-за польского вопроса. В апреле он утвердил план «Вайс», который послужил основой для будущей кампании. Начало войны было намечено на конец августа.

Встает вопрос о том, могло ли это решение измениться. Представляется, что единственно возможным вариантом такого развития событий были бы добровольные и весьма значительные уступки со стороны Польши. Но даже они не предотвратили, а лишь отсрочили бы начало боевых действий, и то сравнительно ненадолго. Гитлер полагал, что война неизбежна, и чем раньше она начнется, тем больше шансов на победу есть у Германии.

Что же делали в это время советские дипломаты? В Москве искали возможности выйти из изоляции и не допустить соглашения западных держав с Гитлером за счет Советского Союза. Для этого было решено пойти двумя путями: с одной стороны, продолжать попытки создания системы «коллективной безопасности», с другой – попробовать улучшить отношения с Третьим рейхом.

Собственно говоря, после горького урока Мюнхенского стовора особого смысла в переговорах с Парижем и Лондоном для советской дипломатии не было. Тем не менее снова ставить все на одну карту имело еще меньше смысла и было попросту опасно. Наличие сразу нескольких открытых возможностей существенно повышало шансы на успех.

Уже в конце 1938 года состоялись первые контакты между советскими и германскими дипломатами. Стороны присматривались друг к другу, прощупывали почву. На одном из берлинских приемов Гитлер неожиданно долго и дружелюбно разговаривал с советским представителем. В свою очередь, в своей произнесенной в марте 1939 года речи о международном положении Сталин неожиданно сдержанно высказался по поводу Третьего рейха, обрушившись в то же время с жесткой критикой на Британию и Францию. Одновременно весной 1939 года обсуждались возможности улучшения экономических отношений, в чем обе стороны были заинтересованы. Однако в целом и в Москве, и в Берлине заняли по отношению друг к другу осторожную и выжидательную позицию.

После захвата Чехии и британских гарантий Польше советское руководство решило, что настал момент попытаться реанимировать уже находившуюся в состоянии клинической смерти политику «коллективной безопасности». 17 апреля советское руководство предложило Парижу и Лондону заключить договор о взаимопомощи. При этом из Москвы прозвучали предельно конкретные предложения:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии, либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответствующее соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи».

Собственно говоря, единственным приемлемым для советского руководства вариантом соглашения было именно такое, предельно конкретное, которое не оставляло бы английским и французским политикам никакого пространства для того, чтобы увильнуть от исполнения своих обязательств. В противном случае игра попросту не стоила свеч. Расплывчатые декларации были не нужны никому в Москве – они не стоили бумаги и чернил, которые пришлось бы затратить на их подписание.

Однако ни в Париже, ни, в первую очередь, в Лондоне этого не понимали. А если и понимали, то упорно продолжали следовать собственным курсом. Для Чемберлена Советский Союз был бронепоездом, стоящим на глубоко запасном пути. Союз с Москвой представлялся ему наихудшим вариантом.

История трехсторонних переговоров весны-лета 1939 года многократно описана в литературе. Советские историки неизменно делали акцент на том, как англичане и французы каждый раз затягивали с ответом на советские ноты, давали расплывчатые и нечеткие ответы. Сейчас иногда приходится слышать, что в Москве требовали от своих несостоявшихся союзников слишком много. Однако оценка реальной ситуации позволяет сделать вывод о том, что именно такие, жесткие и конкретные условия были единственно приемлемыми для советского руководства.

Так и не договорившись о подписании политического соглашения, стороны летом 1939 года решили приступить к обсуждению военной конвенции. Тучи на европейском горизонте тем временем все сгущались. Попытки договориться с Гитлером о компромиссе, предпринимаемые англичанами, не приводили к положительному результату. Тем не менее британская сторона не упустила ни единого шанса доказать советскому руководству, что не принимает ведущиеся переговоры всерьез.

Хватило уже того, что французская и британская делегации отправились в Советский Союз на тихоходном корабле. Разительный контраст с полетами Чемберлена к Гитлеру в сентябре прошлого года! Многообещающим был и состав участников: ни одного военного деятеля первого ранга – что было бы логичным при подписании столь серьезного соглашения – западные союзники в Москву не отправили. Нарком обороны маршал Ворошилов был поставлен в дурацкую ситуацию, вынужденный вести переговоры с иностранными военными рангом намного ниже себя. И если бы у этих военных хотя бы имелись полномочия! Уже в Москве выяснилось, что французская делегация имела право вести переговоры, но не подписывать какие-либо соглашения. Однако англичане и тут смогли отличиться, вообще не сумев продемонстрировать какие-либо письменные соглашения.

Зато у них имелись инструкции от своего правительства вести переговоры как можно медленнее. «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками», – гласили указания.

Советская сторона, конечно, не знала содержания этих инструкций. Но анализировать события в Москве умели, тем более что факты были по-настоящему кричащими. Собственно говоря, к тому моменту советское руководство также уже не горело желанием иметь дело со столь ненадежными партнерами. Военные переговоры велись в августе 1939 года не в

последнюю очередь для того, чтобы иметь козырь при общении с немцами. Тем не менее советская сторона сделала союзникам вполне серьезные предложения, назвав конкретное количество людей и техники, которое Москва готова отправить на фронт для ведения боевых действий. Это оказало большое впечатление на англичан и французов. Однако советское руководство задало прямой и неудобный вопрос – каким образом Красная Армия, не имея общей границы с гитлеровской Германией, сможет выполнить свои обязательства? Адресат был избран верно – отношения Советского Союза с Польшей, через которую пролегал кратчайшая дорога на Берлин, были хуже некуда, а англичане и французы, как считалось, имеют на Варшаву определенное влияние.

Однако поляки уперлись. Переоценивая собственные силы и считая Россию куда худшим врагом, чем Германию, тогдашний польский лидер, маршал Рыдз-Смиглы, заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам». «Для нас это принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь... Мы не допустим, что в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками», – вторил ему министр иностранных дел Юзеф Бек.

Переговоры зашли в тупик. Советская делегация настаивала на том, что вопрос о Польше носит принципиальный характер. Англичане и французы ничего не могли поделать (даже если хотели) с неуступчивой Варшавой. А тем временем с огромной скоростью развивались советско-германские переговоры, которые должны были увенчаться, пожалуй, самым знаменитым дипломатическим соглашением XX века.

Давайте рассмотрим ситуацию, в которой оказалось советское руководство. Европейская война была не за горами. Германия явно собиралась напасть на Польшу – однако нельзя было исключать и такого варианта, при котором Мюнхен повторился бы и Польское государство постигла бы судьба чехословацкого. Кто был бы следующей целью германской агрессии? Весьма вероятно, что ею бы оказался Советский Союз. Другие великие европейские державы в лучшем случае заняли бы нейтральную позицию, предоставив немцам и русским убивать друг друга сколько влезет, а в худшем... призрак коллективной интервенции капиталистических держав оживал снова.

И словно этого было мало – война бушевала и на Дальнем Востоке. Конфликт на реке Халхин-Гол перерос в ожесточенное сражение с использованием крупных сил авиации и танков. Конечно, на тот момент он еще оставался локальным. Однако в августе еще нельзя было в точности предсказать, не выльется ли это приграничное сражение в большую войну с Японией. В Токио давно точили зубы на советский Дальний Восток, и война на два фронта становилась реальной угрозой.

В Париже и Лондоне советским руководителям предлагали подписать ничего не значащую бумажку, взять на себя конкретные обязательства тамошние политики были явно не готовы. В отличие от них, германская сторона была явно настроена заключить серьезное соглашение, которое позволило бы Советскому Союзу не только избежать войны, но и серьезно улучшить свои стратегические позиции.

Какие варианты действий были в этой ситуации у советского руководства?

Вариант первый: упорно добиваться подписания соглашения с Францией и Великобританией. В этом случае весьма велика была вероятность, что после начала войны Советский Союз останется один на один с вермахтом, в то время как британские и французские солдаты будут успешно отсиживаться за линией Мажино и играть с немецкими солдатами в футбол на нейтральной территории. Последующее развитие событий показало, что такой сценарий был более чем реален. Интересам СССР он не соответствовал ни в малейшей степени.

Вариант второй: не подписывать ни с кем никаких соглашений. Это решение, во-первых, обрекало Советский Союз на внешнеполитическую изоляцию. Сталинское руководство тем самым поставило бы себя в положение пассивного наблюдателя за происходящим в Европе. Немедленного вовлечения в войну, скорее всего, удалось бы избежать. Однако дамочным мечом нависла бы угроза над СССР. Основания для таких опасений действительно были.

И, наконец, третий вариант: подписать союз с немцами и остаться в стороне от европейской войны. Более того, получить карт-бланш на территориально-политические изменения в Восточной Европе. Выигрыш был огромен: Советский Союз оказывался по сути в положении «третьего радующегося», наблюдающего за схваткой между своими противниками. Разумеется, было понятно, что избежать вовлечения в войну, скорее всего, не удастся. Однако это произошло бы позднее и, весьма вероятно, в куда более благоприятных условиях.

Разумеется, у этого третьего варианта были и свои минусы. Во-первых, нужно было как-то объяснить «делку с дьяволом» собственному населению. Во-вторых, то же самое нужно было объяснить друзьям СССР по всему миру, привыкшим видеть в советском государстве главного борца против Гитлера. Избежать моральных потерь было невозможно. Однако, как гласит известная поговорка, «лучше тебя будут судить двенадцать, чем понесут четверо». Летом 1939 года советское руководство находилось в ситуации, когда идеального варианта действий просто не существовало. Нужно было чем-то поступиться. И Сталин в этой ситуации сделал непростой, но в высшей степени реалистичный выбор.

Долгие годы в советской исторической литературе наблюдалась интересная тенденция: о самом пакте говорили много и часто, однако существование секретных протоколов к нему всячески замалчивалось. До сих пор в нашей стране есть люди, которые сомневаются в их подлинности. Другая распространенная точка зрения – «пакт был правильным решением, но протоколы мы подписали зря». При этом содержание секретных протоколов по умолчанию рассматривается как нечто недостойное советской державы, что-то такое, чего следует стыдиться. В современной (и не только западной) историографии по этому поводу широко распространен тезис о «разделе Восточной Европы между двумя диктаторами», или «четвертом разделе Польши». Посмотрим, насколько справедливы эти упреки.

Думаю, здесь имеет смысл привести текст секретного дополнительного протокола полностью. Он звучит следующим образом:

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».

О чем говорит нам этот документ? Фактически мы имеем перед собой договор, касающийся раздела сфер влияния в пограничных с Советским Союзом регионах. Подчеркну – не территорий, а именно сфер влияния. Это значило, что Германия, каких бы успехов она ни добилась в войне с той же Польшей, не должна была переходить определенную нарисованную на карте черту. Дальше простиралась зона советских интересов, и вермахту там делать было нечего. Тем самым создавалась своеобразная «подушка безопасности» вдоль западных границ СССР. Последующее отодвигание этих границ на запад было продиктовано более поздними событиями. Секретные протоколы создавали необходимый фундамент для этих территориальных приращений, но не делали их неизбежными.

Разумеется, с точки зрения идеальной морали, даже такая сделка с Гитлером может показаться предосудительной. Проблема заключается в том, что в реальных международных отношениях идеальная мораль в те времена (да и сейчас) была в основном орудием пропаганды. Советские историки, провозглашая, что наша страна руководствовалась исключительно высокоморальными соображениями, тем самым бросали капиталистическим противникам упрек в грязном эгоизме. Забавно, что современные критики тогдашней политики Сталина полностью опровергают выводы своих предшественников, но в то же время заимствуют у них высокую планку, которую предъявляют советской дипломатии. Причем применяют ее весьма избирательно. Соединенные Штаты, считают они, имеют право на защиту собственных национальных интересов и «реальную политику». Российская империя тоже имела. А вот Сталин почему-то не имеет. Он должен был практиковать непротивление злу насилием и бояться пролить слезинку хоть одного ребенка.

Если бы документ, подобный пакту Молотова – Риббентропа, подписал какой-нибудь российский дипломат имперской эпохи, его чествовали бы по сегодняшний день как величайшего государственного деятеля и ставили памятники на площадях российских городов. Однако вместо этого в адрес советских руководителей звучит ставший уже стандартным набор обвинений в недалёковидности, двуличии и аморальности.

Впрочем, не будем развивать дальше эту тему. Вместо этого подведем итоги и ответим на основные вопросы, заданные в начале этой главы.

Есть ли вина каких-либо иностранных держав в том, что Гитлер пришел к власти? Да, есть косвенная вина англичан и французов, которые Версальским договором создали в Германии исключительно благоприятные условия для процветания движений, подобных национал-социализму.

Кто виноват в том, что Гитлер смог за шесть лет усилиться до такого уровня, что сумел развязать длительную и кровопролитную мировую войну? Здесь мы имеем дело уже с однозначной ответственностью Великобритании и Франции, правящие круги которых проводили политику «умиротворения», позволяя Третьему рейху беспрепятственно нарушать Версальский договор и наращивать свои силы вместо того, чтобы своевременно остановить Гитлера.

Здесь возникает вопрос: а имели ли англичане и французы такую возможность? Да, имели. Несмотря на все проблемы с финансированием армии и перевооружением, объединенные силы Франции и Великобритании (к которым можно прибавить и армии их восточноевропейских союзников вроде Чехословакии) обладали вплоть до 1938 года включительно подавляющим превосходством над только еще формирующимся вермахтом. Нужны были только воля и желание применить эти силы, но вот их-то как раз и не хватало.

В какой момент Вторая мировая война стала неизбежной? Какую роль сыграл в этом пакт Молотова – Риббентропа? «Точка невозврата», по мнению большинства профессио-

нальных исследователей, была пройдена осенью 1938 года, в момент заключения Мюнхенского соглашения. Именно после него Гитлер взял окончательный и бесповоротный курс на развязывание войны. Мюнхенский сговор, таким образом, стал ключевым событием на пути к мировому конфликту. Советско-германский пакт о ненападении лишь определил облик этого конфликта.

В итоге мы получаем, что в вопросе об ответственности за развязывание Гитлером Второй мировой войны «всухую» выигрывают (возможно, правильнее будет сказать, проигрывают) западные державы. У советского руководства не было объективной возможности предотвратить развязывание Гитлером Второй мировой войны.

Глава 2

Был ли Сталин союзником Гитлера?

Ну хорошо, Англия и Франция упустили шанс остановить Гитлера на ранней стадии, проводя гибельную политику «умиротворения» – соглашаются многие историки и публицисты. Но Советский Союз взял свое после начала войны, став фактическим союзником Гитлера!

Тезис о «фактическом союзнике» кочует из книги в книгу, из телепередачи в телепередачу. Иногда его заменяют на «невоюющего союзника», что по большому счету сути не меняет. Впрочем, некоторые особо рьяные «обличители сталинизма» отбрасывают всякие условности, напрямую говоря о «союзе между Сталиным и Гитлером».

В какой степени эти утверждения соответствуют действительности? Чтобы ответить на данный вопрос, нам придется погрузиться в историю советско-германских отношений 1939–1941 годов. Однако сперва следует выяснить, что же, собственно говоря, подразумевает термин «союзник» как таковой?

Толковый словарь русского языка Ожегова дает следующее толкование: «1. Тот, кто находится в союзе, в тесном единении с кем-нибудь. 2. Государство, заключившее военный союз с кем-нибудь». Второе толкование явно отпадает – никакого формального военного союза с Третьим рейхом у СССР не было. Остается неформальный союз – к слову сказать, этот термин все тот же словарь Ожегова трактует как «объединение, соглашение для каких-н. совместных целей». Можно ли говорить о таком «объединении» применительно к отношениям Советского Союза и Германии?

Первым примером «советско-германского союза» часто считаются действия против Польши. Как известно, 1 сентября вермахт начал вторжение на польскую территорию. 17 сентября с востока советско-польскую границу пересекли части Красной Армии. К концу месяца бои на территории Польши в основном закончились – естественно, полным и абсолютным поражением польской армии.

Вступление советских войск на территорию Польши еще до того, как последняя капитулировала, впоследствии стало поводом говорить, что поляки были разгромлены совместными усилиями советских и германских войск. Противники этой версии приводят данные о том, что на момент начала советской операции даже государственное руководство Польши уже считало войну проигранной – в тот же день, 17 сентября, оно бежало из страны. Их оппоненты, в свою очередь, утверждают, что бегство польского правительства как раз и было обусловлено вмешательством Красной Армии. Что, впрочем, не отменяет того факта, что поближе к румынской границе польские министры перебрались еще за четыре дня до упомянутых событий.

Как бы то ни было, кампания вермахта против Польши с самого начала развивалась исключительно успешно. Обладая численным и техническим превосходством, германские дивизии в клочья рвали польскую оборону. К середине сентября польская армия уже фактически проиграла войну – факт, который невозможно отрицать. Ситуацию еще могло бы спасти экстренное наступление французских войск на Западном фронте, но они бездействовали. Предоставленное своей собственной участи, польское командование уже к концу второй недели войны не имело никаких шансов стабилизировать фронт и организовать сколько-нибудь эффективную оборону. Все разговоры о «польском контрнаступлении в середине сентября» – не более чем байки из серии «мы бы им дали, если бы они нас догнали».

Наступая на поляков, немцы торопили советское руководство с выступлением. Дело было вовсе не в том, что Гитлер боялся не справиться без советской помощи. Просто, оттянув

часть польских войск на восток, Красная Армия позволила бы вермахту сэкономить время, кровь своих солдат и боеприпасы – ничего из перечисленного у немцев не было в избытке. Уже 3 сентября Риббентроп через посла в Москве Шуленбурга недвусмысленно пригласил Красную Армию присоединиться к разгрому Польши.

Однако советское руководство медлило, выжидая, как будут складываться события. Лишь в середине сентября, убедившись в том, что западные союзники не спешат прийти на помощь польскому государству и дни его сочтены, в Москве решили занять «бесхозные» территории. Официальное объявление по этому поводу гласило:

«События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. Польские правящие круги обанкротились. Все это произошло за самый короткий срок.

Прошло каких-нибудь две недели, а Польша уже потеряла все свои промышленные очаги, потеряла большую часть крупных городов и культурных центров. Нет больше и Варшавы как столицы польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие.

В Польше создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению.

От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу.

Ввиду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Советское правительство заявило также в этой ноте, что одновременно оно намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

В первых числах сентября, когда проводился частичный призыв в Красную армию на Украине, в Белоруссии и еще в четырех военных округах, положение в Польше было неясным и этот призыв проводился как мера предосторожности. Никто не мог думать, что польское государство обнаружит такое бессилие и такой быстрый развал, какой теперь уже имеет место во всей Польше. Поскольку, однако, этот развал налицо, а польские деятели полностью обанкротились и не способны изменить положение в Польше, наша Красная армия, получив крупное пополнение по последнему призыву запасных, должна с честью выполнить поставленную перед ней почетную задачу».

Столкновения с подразделениями польской армии в ходе «освободительного похода Красной Армии» носили не слишком серьезный характер. О том, что советское руководство не слишком поторопилось с вводом войск, свидетельствовал тот факт, что на некоторых участках части вермахта уже успели пересечь установленную Пактом Молотова – Риббентропа разграничительную линию и их пришлось отводить назад.

Можно ли, таким образом, утверждать, что Красная Армия оказала поддержку вермахту в войне против Польши? Строго говоря, в конце сентября 1939 года и советские, и германские войска сражались с одним и тем же противником. Однако никакого вклада в гибель польского государства как такового Советский Союз вводом своих войск не внес. Судьба Польши на тот момент уже была решена.

Ряд отечественных авторов справедливо указывает на то, что для особой любви к Польше у советского руководства оснований не было. Уинстон Черчилль сравнивал эту восточноевропейскую страну с «гиеной», известный американский журналист Уильям Ширер – с «пороховым заводом, которым управляют сумасшедшие». В 1921 году польское государство в результате войны отторгло у Советской России территории, подавляющее большинство населения которых составляли украинцы и белорусы. По отношению к представителям других национальностей в польском государстве проводилась достаточно жесткая дискриминационная политика. Не скрывали польские политики и своей враждебности к Советскому Союзу, а также дальнейших территориальных притязаний. Польша на протяжении 1920–1930-х гг. была одним из наиболее враждебно настроенных по отношению к СССР государств Европы, и жалеть о его исчезновении с географической карты у обитателей Кремля не было ни малейшего основания.

Но мы сейчас не о Польше. Дело в том, что полное поражение польской армии делало вступление Красной Армии на польскую территорию неизбежным, практически автоматическим. В ситуации, когда стало ясно, что Германия хочет и может в кратчайшие сроки ликвидировать существующее польское государство, какой должна была быть реакция Советского Союза? Отказаться от только что подписанного протокола и уступить немцам всю Польшу? Воссоздать на причитающихся СССР территориях враждебное себе польское государство? И то, и другое свидетельствовало бы не о высокой морали, а об остром помешательстве советского руководства.

Собственно, даже Черчилль, безгранично далекий от любых симпатий к Советскому Союзу, заявил 1 октября: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...»

Других эпизодов «боевого братства» русских и немцев в первые два года Второй мировой войны невозможно обнаружить при всем желании. Советские войска не входили с востока в Норвегию, красные самолеты не бомбили Францию, Черноморский флот не отгонял британские корабли от Крита. Более того – на протяжении этих лет нередко были «пограничные инциденты» и столкновения между вооруженными силами двух государств. Утверждения о «союзе двух диктаторов» базируются на политическом и экономическом сотрудничестве двух стран, с которым мы сейчас и попробуем разобраться.

Начнем с дипломатии. После начала Второй мировой войны обе стороны были естественным образом заинтересованы в том, чтобы не портить отношения друг с другом. 28 сентября 1939 года был подписан Договор о дружбе и границе. Многие публицисты, как флагом, размахивают названием этого договора – дескать, вот, дружба у нас была с Гитлером! Их оппоненты робко возражают – в русском варианте «граница» в заголовке поставлена вперед «дружбы». В реальности этот спор не имеет значения – речь идет об установившейся дипломатической формулировке, которая является синонимом словосочетания «хорошие отношения». Это совершенно не то же самое, что понимается под словом «дружба», когда речь идет об отношениях между людьми.

Согласно этому документу, границы сфер влияния в Европе менялись: Литва оказывалась в советской сфере влияния, а территории с польским населением, находившиеся восточнее прежней разграничительной линии, передавались Третьему рейху. Новая граница должна была пройти почти в точности по «линии Керзона» – линии, рекомендованной британским политиком в качестве восточной границы Польши еще в 1920 году. Решение, которое нельзя не признать мудрым – территории с компактно проживавшим польским населением были бы для Советского Союза весьма сомнительным приобретением со всех точек зрения. Ни о какой «дружбе» в данном случае речь не шла. В пакте содержалось обязательство проводить консультации по вопросам, представлявшим общий интерес. Это тоже вряд ли можно считать признаком союза двух стран. Скорее речь идет о том, что два сильных противника стремились держать друг друга под контролем.

В «Системной истории международных отношений», изданной коллективом авторов под руководством профессора Богатурова и позиционируемой в качестве учебника по истории международных отношений XX века, соответствующая глава носит название «Окончательное оформление германо-советского союза». В частности, там говорится о том, что «союз между Москвой и Берлином был оформлен полномасштабным межгосударственным договором». Естественно, никаких доказательств того, что речь идет именно о союзе, авторы не приводят. А жаль – может быть, и англо-германский договор 1935 года можно было бы назвать «окончательным оформлением англо-нацистского союза»?

Но вернемся к осени 1939 года. В течение следующих месяцев советское руководство пристально следило за развитием ситуации на Западе. Казалось, что прогнозы оправдываются – после разгрома Польши война приняла характер ярко выраженной позиционной борьбы. Правда, в отличие от Первой мировой, не было ни многодневных артиллерийских обстрелов, сметающих все с лица земли, ни массовых пехотных атак на подготовленные позиции, ни сотен тысяч убитых. Война выглядела довольно странно – редкие перестрелки, игра в футбол на нейтральной полосе... Ее так и окрестили – «Странная война». Все выглядело так, словно немцы, французы и англичане и не собирались воевать друг с другом, а сели в окопы по какому-то странному недоразумению. Явное нежелание западных союзников вести какие-либо активные боевые действия заставляло задуматься о том, не собираются ли они продолжить политику умиротворения и заключить мир с немцами при первой благоприятной возможности? Советскому руководству необходимо было быть готовым и к такому развитию событий. В тогдашней ситуации сговор основных капиталистических держав за счет СССР выглядел отнюдь не фантастикой, а реальной угрозой. Именно поэтому руководство в Москве было совершенно не заинтересовано в том, чтобы Вторая мировая война закончилась, так и не успев толком начаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.